

«ВОЗРАСТАНИЕ К КУЛЬТУРЕ» КАК ВЫХОД ИЗ КРИЗИСНОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Автор поднимает вопрос о необходимости проекта «возрастание к культуре» как выхода из кризисного состояния общества. В качестве наилучшего средства для реализации проекта он предлагает классический университет, дающий фундаментальное образование, приобщающее ко всему богатству мировой культуры.

The author raises the question of the necessity of the «rise to a culture» as a way out of the crisis state of society. As the best means to implement the project, it offers a classic university, giving a fundamental education shall be attached to the wealth of the world culture.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, гуманизм, мировая культура, возрастание к культуре

Keywords: Age of Enlightenment humanism, world culture, a culture of growth

***Наше положение безнадежно, поэтому надо сделать
всё, чтобы его изменить.***

Френсис Скотт Фитцджеральд

В середине XX века философами была предсказана развилка, на которой окажется мир на рубеже тысячелетий. В «Ситуации, наиболее богатой возможностями и опасностями» (К. Ясперс), открывается путь «перехода эволюции на уровень культуры, и тогда человечество сможет держать её нити в своих руках» (П. Тейяр де Шарден), в противном случае оно, «расписавшись в своей несостоятельности, обречет себя на гибель» (тот же Ясперс). Сегодня, оказавшись именно в этой ситуации, мы ощущаем себя одновременно участниками, наблюдателями и жертвами «незавершенного проекта», точнее проекта несостоявшегося.

Очертания этого проекта, восходящего к эпохе Просвещения, были достаточно чётко оформлены ещё в XIX веке. В наиболее краткой форме – это «возрастание к культуре», жизнь в культуре как

---

* ТОРОСЯН Вардан Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия (e-mail: torosyan5@mail.ru).

TOROSYAN Vardan G. – Ph.D. (Philosophy), Professor, Department of Theory and History of Culture of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia (e-mail: torosyan5@mail.ru).

естественная необходимость, о чем прекрасно писал Гегель, Гердер, В. Гумбольдт. Наилучшим средством для реализации этого проекта виделся классический университет, дающий фундаментальное образование, прежде всего гуманитарное, приобщающее ко всему богатству мировой культуры. Подлинный смысл культуры – в гуманизме. «Гуманность заложена в природе человека и культура способствует её скорейшему достижению, выходу из состояния, подавленного варварством»: история народов представлялась «школой соревнования в достижении гуманизма – воспитании благородства, разума, свободы, высоких помыслов и стремлений, сил и здоровья, господства над силами Земли» [1].

Более реалистично относясь к истории человечества как к «результату действий людей, преследующих собственные цели», К. Маркс также разделял/различал «предысторию» и «подлинную историю человечества», переход к которой возможен только через преодоление варварства, когда «свобода – от» станет «свободой – для» – для творчества, «реализации сущностных сил человека». В достижении такой возможности Маркс, как и просветители, большие надежды возлагал на науку и технику – при этом, вовсе не рассматривая их развитие как самоцель. Десятилетия спустя прекрасно скажет один из наиболее значительных участников революции в науке рубежа XIX – XX вв. Анри Пуанкаре: «Не наука нужна для новых машин, а новые машины для того, чтобы оставить больше времени для занятий наукой». В этой связи вспоминается наблюдение великого изобретателя Эдисона о том, что люди привыкли десять часов ковырять лопатой вместо того, чтобы полчаса подумать, как ту же работу выполнить за десять минут.

Сегодня вектор социокультурной истории изменил своё направление: наука и образование рассматриваются как сфера услуг, подобно парикмахерским и прачечным, соответственно, оплачиваемым теми, кто захочет эти услуги получить, поэтому и их эффективность оценивается сиюминутной материализацией выгодой/отдачей.

Человек, возглавляющий одно из ключевых министерств, судя по всему, достаточно начитанный и, в частности, знающий высказывание о том, что «наука – это средство удовлетворять любопытство ученых за счет государства», предлагает переложить расходы на плечи неуместно любопытных. Правда, при этом мы гордимся тем, что на адронном коллайдере работает множество выходцев из нашей страны, которые могут предложить для этого свои мозги. Современному человеку трудно по-

верить, что в век Просвещения, когда в день и час и в точке неба, вычисленных Э. Галлеем за 18 лет до этого события, появилась комета, названная его именем, по всей Европе шли праздничные гуляния, запускались фейерверки, слагались оды в честь науки. Можно ли сегодня представить нечто подобное? А разве сегодня наука не приносит потрясающие открытия? В лучшем случае коротким сюжетом за утренним торопливым кофе промелькнет сообщение о том, как ученым (кстати, тоже выходцам из России) удалось задержать пучок света в кристалле (что, кстати, сулит новые прорывы и в технике) или фотография с орбитального телескопа «Хаббл», как одна галактика буквально заглатывает другую.

Провидческим даром обладают не только философы. В середине XX века Нобелевский лауреат по литературе Герман Гессе в своём знаменитом романе «Игра в бисер» увидел рубеж XX – XXI века как «фельетоническую эпоху». Разве не напрашивается на фельетон, грустный и даже страшный, что связывая глубокий кризис, сотрясающий мир уже несколько лет, с перепроизводством, подгоняемым потребительским менталитетом (и подгоняющим его), эксперты для выхода из него предлагают меры, стимулирующие дальнейший рост производства. Понятно, что в таком случае удастся пристроить всё возрастающее количество безработных. А куда девать произведенный ими товар? В поисках выхода из этого порочного круга другие эксперты ненавязчиво напоминают, что выходом из двух крупнейших кризисов XX в. оказались как раз две мировые войны. Если это покажется неуместной шуткой, то стоит вспомнить нобелевского лауреата по экономике (как всегда, американца) Милтона Фридмана, который разработал модель для спасения экономики Чили при условии, если установить там диктаторский режим (что и произошло при А. Пиночете, превратившем страну в концлагерь).

В своё время (а именно в 1979), когда вышло исследование Римского клуба «Пределы роста», предрекавшие, что при таких темпах эксплуатации природных ресурсов человечество в 2000 году перейдет «точку невозврата», оно вызвало настоящую панику. В следующем выпуске авторы даже извинялись: они несколько сгустили краски, чтобы привлечь внимание к проблеме. А вот в последнем из выпусков XX века («Фактор четыре») они извинялись уже за то, что действительность к концу XX века оказалась даже мрачнее первоначальных прогнозов. Как пишут авторы «Фактора четыре», «Амбициозная цель книги – изме-

нить направление технологического прогресса». Дело в том, что современная цивилизация уже сейчас могла бы добиться удвоения производительности труда при сокращении вдвое потребления ресурсов – «тем самым величина богатства, полученного от единицы ресурсов, может возрасти в четыре раза». Чтобы это произошло, требуется «лишь» изменение менталитета, ориентированного на безудержное, неоправданное потребление, стремление «не отстать от других. Как заметил Э. Фромм, «благосостояние – не экономическая, а скорее нравственная проблема», и материальное благополучие – необходимое, но недостаточное условие. Экономический рост должен служить духовным целям, реализации и актуализации личности. Между тем в нашу фельетоническую эпоху реализация личности напрямую связывается с материальным успехом, превосходством над другими, властью, приобретением вещей (тот же Фромм «Иметь или быть»). В современном мире реализуется даже не экономоцентристская, а хремастическая, по Аристотелю, модель: когда деятельность направлена не на удовлетворение насущных потребностей с наименьшими затратами, а как раз на максимально затратную практику для непомерного обогащения узкого круга людей.

Уже в XIX веке промышленная революция создала тип общества, «в котором не экономика встраивается в систему социальных связей, а социальные связи – в экономическую систему, и в результате рыночная экономика «перестраивает общество под себя». В этом обществе производство, по существу, является побочным результатом, ... а наша унижительная зависимость от материального, которую человеческая культура всегда стремилась смягчить, намеренно усилена и возведена в ранг главенствующей» [2].

Современный капитализм осознал возможность своего выживания, превратив людей, ненужных производству, в людей, нужных потреблению: «Потребление стало имманентной функцией производства, сделавшись коллективной мечтой масс и способом их времяпровождения, ... символом веры и престижа [3]. Именно исходя из этого строится социальная политика стран «золотого миллиарда» (где выгоднее – до поры – откупиться от людей, оказавшихся на обочине, пособиями, достаточными не только для выживания, но и для получения общедоступных «фантомных радостей», на это же направлена вся массовая культура во всем мире. Особенно ужасно, что на это же неизбежно нацеливается и образование, задачей которого

называется подготовка кадров, способных если к не сиюминутной материальной отдаче приобретенных знаний, то хотя бы способных быть «квалифицированными потребителями».

Очевидная выгода такого положения в том, что современная цивилизация перестала задавать себе вопросы. Между тем «отказ от некоторых вопросов несет в себе большую опасность, чем неспособность ответить на вопросы, уже стоящие на повестке дня, а неправильно заданные вопросы зачастую помогают отвлечь внимание от действительно важных проблем» [4].

Весьма характерно, что многие читатели «Игры в бисер» воспринимают описанную там «Касталию» как едкую сатиру на «яйцеголовых»: её обитатели / граждане были заняты «игрой в бисер», а если проще, игрой ума, подобно древнегреческим философам, и в этом было их предназначение, оплачиваемое государством. Сумма эта, как указывается в романе, не превышает десятой части военных расходов. На ситуацию действительно можно взглянуть двояко: с одной стороны, известен вклад в мировую культуру, включая любые науки «бесцельных умствований» античности. Известно, что многие открытия, сделанные и в наше прагматичное время и удостоенные Нобелевской премии (условием которой является практическое применение), родились в результате чистой игры ума (kunststuck), доставившей удовольствие игроку и пользу человечеству. Не случайно и то, что некоторые нобелевские лауреаты до этого получили и «шнобелевскую» премию – за самую бесполезную идею. Разве не так рождается искусство, и не влечет ли ученого прежде всего любознательность? С другой стороны, можно увидеть в Касталии и дьявольский замысел тоталитарного государства – занять «яйцеголовых» чем-то, что этому государству не угрожало бы. Правда более дальновидные политики придумали «философские пароходы» и концлагеря.

Сложную для чтения «Игру в бисер» часто называли антифашистской, но Гессе «заглядывает за фашизм, в те времена, когда после неизбежных катаклизмов, вызванных крушением главных мировых систем, общество начнет вырождаться. Победа над фашизмом будет не только триумфом человеческого духа, но и величайшим испытанием для него; в конце XX века станет понятно, что великие теории на практике ведут к великой крови, и поэтому лучшим способом для самосохранения человечества будет не думать» [5]. Удивительно, как быстро удалось привести его к этому благословенному состоянию, отгородив

от мировых и собственных проблем в компьютерных играх, бесконечных шоу, в которые давно превратились даже дебаты политиков и многолюдные митинги.

Сегодня философы не опасны, и их пока терпят как некий рудиментарный орган, который отомрет и сам, особенно если им меньше платить и сокращать философские курсы в вузах, а преподавателей заставлять тратить все свое время на бесконечные отчеты, планы, заполнение журналов и т.д., в объеме, сопоставимом с докторской диссертацией («макулатура против креатива»). Приучая самих ученых оценивать свою деятельность через отдачу «народному хозяйству», легко подвести и их к осознанию своей бесполезности. В свое время философ и нобелевский лауреат по литературе в одном лице Альберт Камю писал: «Мало сказать, что искусству угрожает государственная мощь. В этом случае дело обстоит бы просто: художник либо сражается, либо капитулирует. Проблема осложняется, становится смертельно опасной с того момента, как замечаешь, что бой завязывается в душе художника. Ненависть к искусству, которую так часто демонстрирует наше общество, была бы не столь губительной, если бы ею не заражались сами художники. Художники прошлых времен ставили под сомнение лишь собственный талант. Нынешние сомневаются уже в необходимости своего искусства, иначе говоря, в необходимости своего существования» [6]. Сказанное вполне можно отнести и к философам, и к учёным.

Обществу потребления не нужна не только философия, но и серьезная литература, кино, где нет крови и насилия. Характерная деталь: фирма IKEA, которая торгует мебелью по всему миру, объявила, что прекращает производство книжных шкафов. Разумное и практичное решение. И дело вовсе не в массовом распространении электронных носителей. Люди просто перестали читать, тем более бесполезную с точки зрения материальной отдачи, художественную литературу (за что особо надо поблагодарить ЕГЭ).

Вспоминается знаменитый роман Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», где функция пожарных – жечь книги, а скорой помощи безболезненно ликвидировать умников, которые, несмотря на все запреты, сохранили их. Правда, некоторым людям удалось сохранить в памяти тексты Шекспира, научные результаты в надежде таким образом передать следующим поколениям.

Современная форма варварства характерна тем, что может прийти не как оппозиция культуре, а «из культуры». Как за-

мечает Н. В. Мотрошилова, есть «общий тезис, под которым готовы подписаться многие историки, социологи, философы, работающие ныне над цивилизационными проблемами. Он носит своего рода характер приговора: в протекшей до сих пор истории то, что именуется варварством, было не только исторически начальным, оставленным далеко позади состоянием человеческого общества. И после возникновения цивилизации варварство неизменно оставалось спутником, оборотной стороной цивилизации, означая ее саморазрушение; даже и в новое время, эпоху «модерна» ... историческое развитие «неминуемо порождало ... новое, более рафинированное варварство» [7].

Современная форма варварства выражается и в потребительском отношении к природе, вооруженном мощными техническими средствами, и в отношении человека к человеку, столь же потребительском («современная форма каннибализма», словами Э. Фромма, «когда стремятся максимально использовать других для себя»). Современное варварство – это разруха и голод, которым охвачены огромные регионы нашей планеты, подделка товаров, часто опасная для жизни (включая лекарства и детали самолетов), «грандиозные обманы, аферы в массовых масштабах на фоне удивительного легковерия населения и полной безнаказанности мошенников..., это общий разгул преступности с чудовищными по своему цинизму преступлениями; это культ бандитского образа жизни, его языка и символов; это массовая коррупция правоохранительных органов; это издевательское, наплевательское отношение к людям науки, знания и подлинной культуры вместе с культом подделок под искусство, пошлостью, наглостью в средствах массовой информации; это миллионы беспризорных детей при живых родителях...» [8].

Можно утешать себя тем, что все это – рудиментарные явления, но они только расширяются, расползаются как мутации, против которых не успевают выработать противоядия. Мы живем в мире, начиненном, пронзаемом, разрываемом насильем – это и террористические акты, и «бархатные революции», и локальные войны, принявшие уже глобальный масштаб. Между тем, хотя в течение длительной «предыстории» человечества насилие выполняло роль, «повивальной бабки истории» (К. Маркс), необходимо, наконец, осознать, что на сегодняшний момент оно исчерпало себя. Не говоря о том, что насилие может обернуться самоуничтожением человечества, насилие неэффективно даже в локальном масштабе: если даже попытаться отвлечься от моральной стороны (как очень бы хотелось очень многим), мы се-

годня не приведем ни одного примера того, что жертвы оказались оправданы, задача решена, человечество спасено. Осознание этого, очень непростое, было бы лишь одним из первых шагов для выхода из «предыстории человечества». В мире, разрываемом насилием и нетерпимостью, бесполезны призывы «жить дружно». Толерантность – это не просто терпеть друг друга, а уважение к человеку, способность ценить любую культуру, в том числе свою собственную. Давно замечено, что люди, заявляющие о том, что признают только свою религию, свою национальную культуру, не знают и тем более не ценят и её. Здесь необходимо не просто внушение толерантности, а воспитание уважения к культуре как к таковой, «возрастание к культуре».

Еще одним симптомом «фельетонической эпохи» было то, что вступление в третий миллениум отмечали дважды в 2000 и 2001 годах. То ли не разобравшись, как у нас с «зимним» и «летним» временем, то ли это кому-то было выгодно, во всяком случае, резко возросла продажа компьютеров, после страшилок о том, что они не разберутся с нулями, и произойдут массовые сбои, авиа и железнодорожные катастрофы, короче, конец света. Вспомним, что смена тысячелетий – наиболее подходящее время для конца света. Впрочем, обещают его и к концу 2012 года. Между тем зловерные философы утверждают, что конец света наступил уже давно, другое дело, что он – перманентный, а не сиюминутный, вроде испепеляющей молнии, раскалывающей Землю, или всемирного потопа, столкновения с астероидом и т.д. (хотя и стихийных катаклизмов, небывалых до этого, тоже хватает). Здесь больше подойдет библейская картина снятия, одна за другой, семи (а может, семидесяти) печатей.

Говоря о незавершенном, точнее, так и не свершившемся проекте Просвещения, приходится признать, что «XXI век так и не наступил, он лишь длит время века восемнадцатого, (при неизмеримо возросших опасностях и угрозах для всего человечества – В. Т.); пора, наконец, осознать, что современный глобальный кризис – это кризис Человека вообще, который за все тысячелетия своего существования так и не получился, так и не смог состояться» [9].

Что в данной ситуации могут философы и культурологи? И ничего, и очень много. Сегодня философа в первую очередь должна беспокоить не судьба философии (и философов, соответственно) в мире XXI века, а судьба мира без философии. Задача преподавателя гуманитарных предметов – не просто приобщать к богатству мировой культуры, но и научить делать выводы из её истории, научить задавать себе вопросы, а не просто запол-

нять клеточки в бланках, вопреки всему, что происходит. Как тут не вспомнить слова ещё одного нобелевского лауреата, экономиста К. Леонтьева о том, что долг каждого порядочного человека сегодня служить тормозом прогресса. Подлинно современные инновации должны быть прежде всего в области идей, а не технологий. Много раз говорилось о том, что историческая миссия России послужить уроком человечеству. Пока что это больше получается в плане как не следует делать (о чем предупреждал ещё А. Чаадаев). Но если Россия выберется, найдет выход из опутавших её проблем, она тем самым ещё и сможет указать путь одряхлевшему миру. Выход, действительно, в возращении к культуре: и именно культура как аккумулятор социальной памяти и социальной сложности, содержит возможности для экспериментов и творчества.

Использованная литература:

1. *Гердер И.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 636.
2. *Поланьи К.* Наша устаревшая рыночная психология // Избранные работы. М., 2010.
3. *Колпаков В. А.* Общество знания. Опыт философско-методологического анализа // Вопросы философии. 2008. №4. С. 37.
4. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 14-15.
5. *Быков Дм.* Русская Касталия // Известия» 2010. № 187. 7 окт.
6. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990. С. 363.
7. Там же. С. 44.
8. *Мотрошилова Н. В.* Варварство как оборотная сторона цивилизации // Вопросы философии. 2006. №2. С. 49.
9. Проблемы развития российской цивилизации. Обзор Всероссийского философского форума // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 175-176.